

Однажды Диогена спросили: «Почему люди охотно одаряют милостыней слепых и увечных просителей, а бедному мудрецу не дадут ни гроша?» «Очень просто,— ответил Диоген.— Потому что боятся, что однажды сами могут стать слепыми или увечными, и совсем не боятся того, что станут мудрыми».

Полезный совет молодым научным работникам предлагает польский профессор Крупинский. Когда его спросили, сколько ему потребуется времени, чтобы прочесть свой доклад, он ответил: «Научный реферат должен быть, как женское платье,— достаточно длинным, чтобы быть приличным, и достаточно коротким, чтобы вызвать интерес».

Вот как ирландский физиолог Даи Хелэри видит будущее нашей планеты: «Через миллион лет на Земле будут жить существа, которые категорически станут отвергать теорию, согласно которой они произошли от человека».

При посещении одного индейского племени в штате Аризона Эйиштейну подарили местный костюм и присвоили титул «Вождь великой относительности».

Когда известному физика Роберту Оппенгеймеру задали вопрос, имеет ли возможность человек защититься от атомной бомбы, он решительно ответил: — Разумеется, такая возможность существует!

— А что именно вы имеете в виду?

— Мир! — с достоинством ответил ученый.

У известного французского физика и математика Ампера, создателя электродинамики, было две кошки — большая и маленькая. Они часто беспокоили его, мяукая перед дверями его кабинета до тех пор, пока он не выпускал их внутрь. Однажды он вызвал столяра и попросил его сделать в дверях два отверстия — одно для большой и другое для маленькой кошки. Когда озадаченный столяр спросил его, не будет ли достаточно одного большого отверстия, рассеянный ученый с удивлением посмотрел на него и сказал: «А где же будет проходить маленькая кошка?»

М. Щукин,

доктор исторических наук

Четыре загадки КИМВРОВ И ТЕВТОНОВ

Археологи и историки часто называют Европу «слоеным пирогом», имея в виду многочисленные напластования культур разных народов. И действительно! Кто только здесь не жил — долго ли, коротко! Кто только не пересекал это пространство, оставляя тем не менее свои следы! Но кто же они, «наследившие» в Европе? Много ли мы об этом знаем? Обыденное сознание легко принимает за аксиому, что все современные народы — англичане, немцы, французы, русские — были здесь всегда. И конечно, ошибается. Журнал намерен посвятить серию статей прошлому Европы. Речь пойдет не только о народах, их обычаях, образе жизни, но и о тех исторических ситуациях, в которых они появлялись, жили и исчезали со сцены истории. И оставались. В нашем образе жизни, менталитете, обычаях и облике.

Двенадцать лет над Римом висела смертельная угроза. Был момент, когда история Европы могла повернуться иначе. Мир античной средиземноморской цивилизации и загадочно фантастический мир кельтских племен, заселявших земли от Британии до Карпат, могли погибнуть под напором многолюдных толп варваров «третьего мира», двигав-

шихся с севера Европы. В 101 году до новой эры римлянам удалось разбить варваров, их нашествие захлебнулось в крови, пролитой у Акв Секстиевых под Марселем и у Верцелл в Северной Италии. Римляне устояли под первым порывом северной бури, следующий «девятый вал» последует лишь через 350 лет, а окончательная гибель Рима была отсрочена почти на полтысячелетия. Нашествие северных варваров возглавляли племена кимвров и тевтонов. В античных источниках, описывающих эти события, немало противоречивого и странного. Почему варвары не использовали все предоставлявшиеся им возможности? Откуда вышли эти бесчисленные толпы? Почему их называют иногда кельтоскифами? И где, наконец, археологические следы этого нашествия?

Греческий географ Страбон, живший в конце I века до новой эры, пишет: «...Что касается кимвров, то одни рассказы о них неточны, а другие совершенно невероятны. Ведь нельзя считать причиной превращения их в кочевников и разбойников то обстоятельство, что они были изгнаны из своих жилищ сильным приливом, когда жили на полуострове. Они и теперь живут в той же области, которой владели раньше, и послали Августу в дар свой самый священный котел, прося дружбы и прощения былого».

Страбону, жителю Средиземноморья, где приливы и отливы ощущаются не столь сильно, было трудно поверить рассказам об их разрушающей силе. Мы же, зная, сколько усилий на протяжении веков приходилось тратить жителям Нидерландов, Дании и Северной Германии на борьбу с наступающим морем, можем больше доверять этим сведениям. Изначально кимвры вышли, вероятно, из Дании, потому что другой древний ученый, Плиний Старший, при описании Балтийского моря именно этот полуостров назвал Кимврским*.

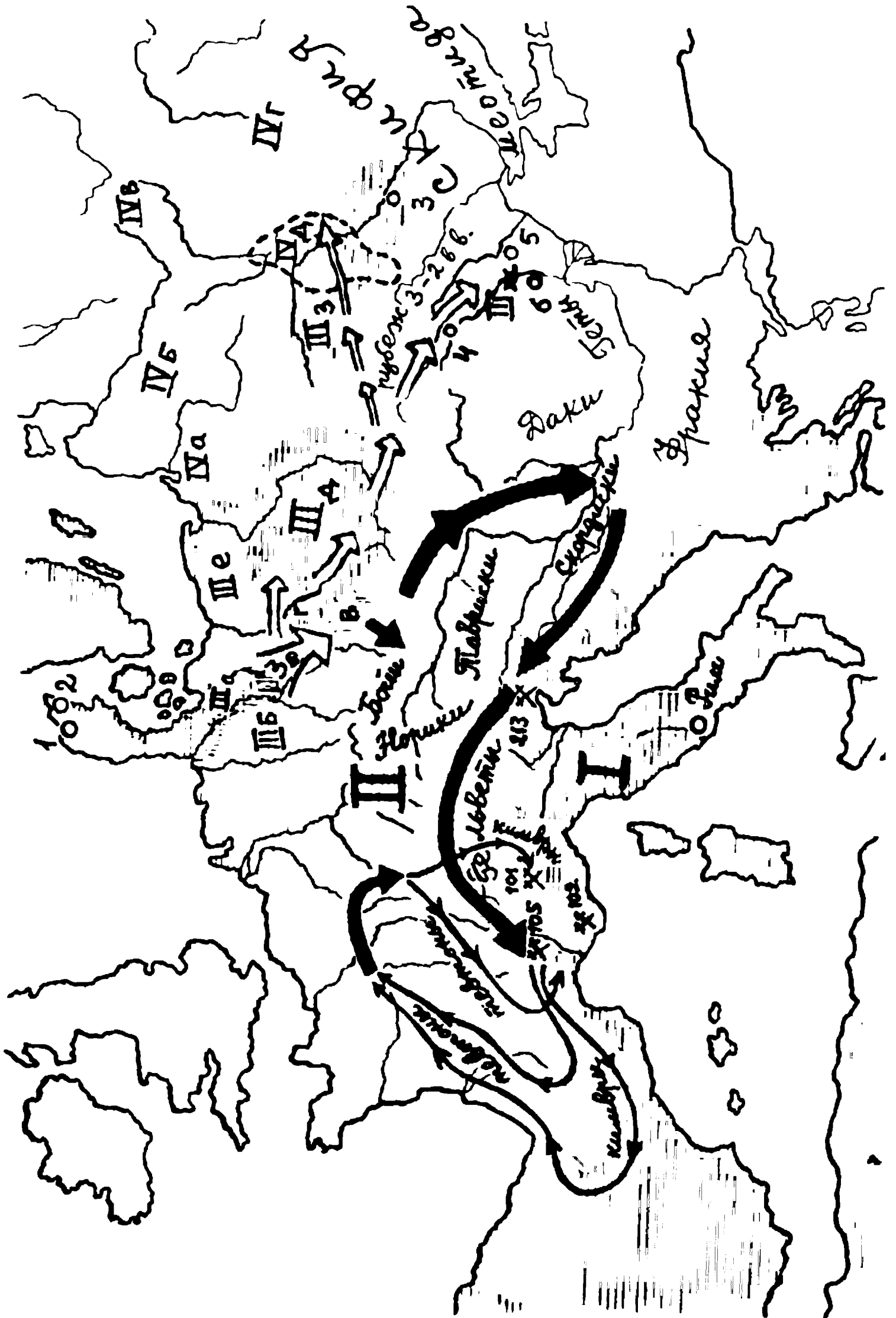
Далее Страбон, опираясь на современника событий Посидония, описывает маршрут движения кимвров. Они «совершали походы даже до области Меотиды. ...бойи жили прежде в Геркинском лесу, а кимвры проникли в эту область, но были отброшены боями и спустились к Истру, в страну галатов-скордисков, затем в область тевристов и таврисков (тоже галатов) и, наконец, в страну гельветов, племени мирного и богатого золотом. Когда гельветы увидели, что богатство, добытое кимврами разбоем, превосходит их собственное, они пришли в такое возбуждение, что поднялись

вместе с кимврами». Прокомментируем этот текст географа. Получается, что кимвры должны были бы доходить до Азовского моря или, во всяком случае, до низовьев Днепра и Сиваша. Именно Сиваш и Азовское море назывались в древности Меотидой.

Бойи в Геркинском лесу — это потомки тех кельтов, которые были изгнаны в 192 году до новой эры римлянами из района Болоньи и поселились на территории современной Чехии-Богемии. Греки называли кельтов галатами. Кельты-скордиски жили на Дунае (Истре) приблизительно от Железных Ворот до низовий Савы и Дравы, кельты-гельветы — в современной Швейцарии.

«В Риме вести о количестве и силе наступающих войск вызвали сначала недоверие, но впоследствии они оказались преуменьшенными сравнительно с действительностью. На самом деле двинулись триста тысяч вооруженных воинов, и, по рассказам, толпы детей и женщин шли вместе с ними еще в большем количестве — они нуждались в землях, чтобы было где прокормить такое множество... О них было неизвестно, что это за люди или откуда они надвинулись и как туча напали на Галлию и Италию. По большей части предполагали, что это германские племена, расселившиеся вплоть до Северного океана: у них высокий рост и голубой цвет глаз...» Это пишет Плутарх, автор II века новой эры, когда германцы уже стояли непосредственно на границах Римской империи и были хорошо известны. Пишет в биографии выдающегося политического деятеля Древнего Рима Гая Мария. Того самого Гая Мария, что провел реформы, вызвавшие в конечном итоге превращение Римской республики в Римскую империю. В частности, им было реформировано войско. Если раньше только люди, владеющие землей, могли служить в армии, то теперь земельный ценз был отменен, и ее стали набирать из неимущих пролетариев. Воины-профессионалы, не имеющие дру-

* Настоящая статья — продолжение двух статей автора, уже опубликованных в «Знание — сила». Одна из них (№ 5 за 1985 год) посвящена кельтам и их цивилизации, вторая (в № 4 за 1986 год) — так называемому третьему миру древней Европы, племенам, заселявшим территорию от низовий Рейна до Вислы, а на определенном этапе достигавшим Поднепровья (зарубинецкая культура) и Молдавии (культура Поянешты Лукашевка). Из недр этого мира позже вышли исторические германцы, но значительную часть его составляли исчезнувшие затем «народы между германцами и кельтами».

... — культура «искусств» мира, и — историческая культура в узком значении термина, и — историческая культура в широком значении термина, В — группа Боденбах — Подмоклы, Г — Губинская группа, Д — пшеворская культура, е — оксеевская культура, Ж — культура Пояншты — Лукашевка, З — зарубицкая культура; IV — лесные «балтские» культуры Восточной Европы: а — культура западнобалтских курганов, б — культура итрилованной керамики, в — днепро-двинская культура, Г — южновская культура, Д — милоградская культура (невы Геродота) I — Дьеберг, 2 — Гундеструп, 3 — Пилипенкови гора, 4 — Круглик, 5 — Лукашевка, б — Луника-Чурей.

гих средств существования, готовы были пойти за своим полководцем куда угодно и на что угодно, лишь бы была обеспечена добыча, жалованье и участок земли после двадцатилетней службы. Боеспособность войска возросла, но и полководцы получили возможность использовать армию в личных целях, в борьбе за власть, как это сделали Цезарь и последующие императоры. С другой стороны, и сами полководцы оказались в зависимости от умонастроенной солдатской массы, что и привело позже к появлению многочисленных «солдатских императоров». Новая армия создавалась Марием именно для борьбы с северными варварами, нашествие кимвров и тевтонов оказалось таким образом поворотным пунктом в римской истории.

Первое непосредственное столкновение с ними произошло в 113 году до новой эры в Восточных Альпах около Норен. Римский историк II века новой эры Аппиан описывает это событие следующим образом: «Многолюдная группа тевтонов вторглась в земли нориков ради грабежа. Римский консул Папирий Карбон, опасаясь, что они вторгнутся в Италию, подстерегал их в том месте Альп, где перевал особенно тесен... При приближении Карбона тевтоны послали ему сообщить, что они готовы их (нориков) в дальнейшем не трогать... Он похвалил послов и дал им проводников, а проводникам приказал тайно вести их окольным путем. Сам же пошел более короткой дорогой и неожиданно напал на тевтонов, когда они еще стояли на отдыхе. Он поплатился за вероломство боль-

шими потерями... Римляне вразброд разбежались по лесам и с трудом собрались вместе на третий день. А тевтоны ушли в Галлию».

Нужно сказать, что в эти годы только удивительное везение спасло Рим. После победы при Норее варварам был открыт путь в Италию. Большая часть римских сил была скована в Африке войной с нумидийским царем Югуртой. Но северные варвары в Италию не пошли, они двинулись на запад, в Галлию. Завоевали ее почти целиком, дошли до Пиренеев, вторглись в Испанию. Пока они были здесь заняты, Марий в 109 году разбил Югурту, был избран в 107 году консулом и начал задуманную реорганизацию армии. Реорганизация не была еще закончена, и война в Африке еще продолжалась, когда в 105 году кимвры и тевтоны разбили при Араузоне римских полководцев Сервилия и Моллия. Опять открывался путь в незащищенную Италию, но кимвры ушли на север восвать с жившими на Марне кельтами-белгами.

Марию тем временем удалось завершить войну в Африке и обновление армии. Справились римляне и с восстанием рабов в Сицилии. В 102 году вновь созданная и обученная армия выступила в Галлию. Тевтоны и кимвры разделили свои силы: первые двинулись навстречу Марию, а вторые, преодолев горные переходы в Альпах, — прямо в Италию. «Эти последние, — по словам Плутарха, — были охвачены такой смелостью и презрением к своим врагам, что больше старались выказать свою отвагу и силу, чем сделать что-нибудь нужное. Так, например, они нагими терпели падающий снег или взбирались на вершины гор по глубокому снегу и льду, а оттуда, подложив под себя широкие щиты, стремительно неслись по скользкой крутизне, имеющей головокругительные гладкие склоны». Заградительные отряды консула Катутла были сметены, дорога на Рим свободна. Но кимвры остановились, чтобы дожидаться тевтонов. Дождаться им не пришлось. В руках Мария была новая армия, он тонко рассчитал психологию варваров, их возбудимость и необузданность, отсутствие терпения и дисциплины. Он шел по пятам за варварским войском, каждый вечер строил укрепленный лагерь вблизи их бивуаков, но в бой не вступал. Наконец, спровоцировал их на беспорядочное выступление. Более организованные и дисциплинированные римские солдаты оказались здесь сильнее. В Аквах Секстиевых, около совре-

Котел из Гундеструпа (II—I века до новой эры).

Изображения кельтских (кимврских?) воинов на котле.

М. Шукки.
Четыре загадки кимвров и тевтонов

менного Марселя, тевтоны были разбиты. Затем Марий появился в Италии и нанес не менее решительное поражение кимврам под Верцеллами... Было взято в плен более 60 тысяч, говорили, что пало их вдвое больше. Имущество разграбили воины Мария (Плутарх). Двенадцать лет всевшая над Римом угроза завоевания была ликвидирована.

Римлянам повезло, вероятно, прежде всего потому, что завоевание Италии вплоть до последнего момента и не было целью северных варваров. Скорее, их целью было завоевание Кельтики. А поскольку кельты никогда не были единым социально-политическим организмом, своего государства не создали и по ряду причин не были способны создать («Знание — сила», 1985 год, № 5), ситуация в кельтском мире была сложной. Одни племена, как гелльеты и амброны, поддерживали кимвров и тевтонов, другие, как белги и бойи, воевали с ними. На эту политическую ситуацию, о которой античные авторы не были осведомлены, и ориентировались, вероятно, кимвры с тевтонами. Иначе их неожиданные маневры после побед под Норсей и Араузоном непоинтны и нелогичны. Так могла бы разрешиться первая загадка, почему северные варвары не вторглись в Италию, хотя имели полную возможность для этого.

Загадка вторая. Где археологические следы пребывания пришельцев с севера в Центральной и Западной Европе?

Пока не обнаружено ни одного погребения рубежа II—I веков до новой эры, которые можно было бы связать с ними.

Может быть, за двенадцать лет было совершено слишком мало захоронений и археологам пока не посчастливилось найти их? Возможно. Следы миграций древнего населения, если нищешь захоронения первопереселенцев, удастся выявить далеко не всегда. Чаше миграции фиксируются по тем переменам материальной культуры местного населения, которые происходят в связи с переменами этнополитической ситуации. А в общекельтской латенской культуре переход от стадии Латен С к Латену D приходится как раз на рубеж II—I веков до новой эры. Появляются новые формы фибул (застежки плаща), оружия, украшений, керамики, повсеместно строятся укрепленные поселки оппидумы, центры ремесла и торговли. Население не исчезло, не сменило мест обитания, но что-то в жизни кельтов изменилось.

И странный факт: для стадии Латен D во многих частях Кельтики, особенно в Центральной Европе, практически неизвестны погребения. Протогородские центры оппидумы есть, а некрополей около них нет. Считается, что кельты переходят к такому обряду захоронения, который археологических следов не оставляет. Покойников могли подвешивать на деревьях, сжигать и развешивать прах по ветру и т. д. В этнографии некоторых народов такие случаи извест-

«Знание — сила»
Апрель 1993

*Навершие кельтского шлема из Чумешти (Румыния).
III век до новой эры.*

ны. И в этой связи обращает на себя внимание один из пассажей в «Естественной истории» Плиния Старшего: «В древности самым явным признаком победы считалась передача побежденными зеленого стебля. Она обозначала отказ от обладания землею, от пользования производящей и питающей силой почвы, даже от погребения в земле; этот обычай, как я знаю, до сих пор сохранялся у германцев».

Не означает ли все это, что какая-то часть кельтов оказалась в зависимости от своих северных соседей? Тогда мы получаем, хотя и косвенно, ответ на вторую загадку. Что касается прямых археологических свидетельств, то их пока не удалось обнаружить, возможно, еще по одной причине.

По описаниям источников, кимвры и тевтоны выступают в сильно кельтизированном облике. У них кельтское вооружение — шлемы, украшенные изображениями животных (один такой кельтский шлем с фигурой сокола найден, например, в Румынии при раскопках кельтского могильника Чумешти). У них длинные тяжелые мечи и большие щиты. У германцев более позднего времени, а в интересующее нас время у представителей так называемого «третьего мира» Северной и Восточной Европы щиты сравнительно небольшие и в центре имеют выпуклую бляху-умбон с острым штырем. Их часто находят в могилах носителей пшеворской и оксывской культур Польши. На таком щите

с горы не съедешь. А вот огромные кельтские щиты с продольным ребром и плоским умбоном вполне могли при случае послужить и санями.

Вожди кимвров и тевтонов носят кельтские имена — Бойорикс, Кезарикс, Лугиус. Служивший под началом Мариа молодой римский офицер Серторий, тот самый, который позднее поднял в Испании восстание и, опираясь на местные племена, пытался создать здесь независимое государство, отправляясь на разведку в лагерь врагов под Аквами, учил кельтский язык и одевался по-кельтски. Успели ли северные варвары так быстро кельтизироваться за двенадцать лет или они были выходцами из уже кельтизированных областей? Как уже говорилось («Знание — сила», 1986 год, № 4), к концу II века до новой эры кельтское культурное влияние охватило уже весь «третий мир», но особенно заметным оно было, естественно, в областях, непосредственно примыкающих к Кельтике. Если же на Кельтику и Рим нападали уже кельтизированные варвары, то выявить их немногочисленные погребения в кельтской среде значительно труднее, тем более что археологи искали выходцев из Дании. Трудно найти черную кошку в темной комнате, особенно когда ее там нет. Если теперь под новым углом зрения заново пересмотреть все кельтские памятники на путях передвижений кимвров и тевтонов, то археологические следы последних, возможно, и удастся обнаружить. Эта трудоемкая работа, однако, еще не проделана.

Но как же быть со свидетельствами древних о том, что светлоглазые варвары вышли с Кимврского полуострова, изгнанные наводнениями? Считать вымыслом, сказками?

Это третья загадка. Передвижение больших масс населения с севера к границам республики должно было бы зафиксироваться хотя бы «возмущениями» местной среды «третьего мира», как это зафиксировалось в Кельтике. Однако никаких сколько-нибудь серьезных изменений на рубеже II—I веков до новой эры в материальной культуре населения ни на Одере, ни на Эльбе не наблюдается. Желание же обнаружить такие изменения было столь велико и естественно для европейских археологов, что это привело к одной ошибке, исправить которую помогли советские археологи, их находки.

В 1961 году Рольф Хахманн, один из авторов книги «Народ между германцами и кельтами» («Знание — сила»,

1986 год, № 4), издал капитальный труд «Хронология позднего предримского железного века в Средней Европе и Скандинавии». Работа была сделана очень основательно. Рассмотрено большое число могильников, и обнаружилось, что однотипные фибулы, украшения, оружие и т. д. в могилах образуют достаточно устойчивые сочетания. Удалось уловить смены моды, которые происходили в древности, как они происходят и сейчас со сменой каждого жизнеактивного поколения. Р. Хахманн изучал как раз те памятники различных групп ясторфской культуры, пшеворской и оксывской культур, которые возникли в тот момент, когда на североевропейские народы была «наброшена вуаль» кельтского культурного воздействия. Немецкого ученого интересовала в основном относительная хронология, то есть он мог сказать, какое погребение раньше, какое позже, какие фибулы раньше и какие позже, но он не брался определить, в какие именно годы эти застежки плаща были модны или в каком году совершено то или иное захоронение. Абсолютные даты ученый попытался определить лишь для самого конца и для начала периода кельтского влияния. Поздняя дата — рубеж эр, где-то между 15 годом до новой эры и 14 годом новой эры. В эти годы римляне утвердились на границе по Рейну — Дунаю, и для народов Европы началось римское время. Рассмотрев же все возможные данные для начальной даты, Хахманн пришел к выводу, что точно ее еще установить нельзя, но наиболее приемлемая дата — около 120 года до новой эры. Это и было ошибкой.

Об осторожных оговорках немецкого ученого исследователи вскоре забыли, дату приняли за аксиому. Хахманн нигде не говорил о связи начальной даты его «позднего предримского времени» с походами кимбров и тевтонов, но связь эта подразумевалась сама собой — за несколько лет до столкновения у Норси в 113 году до новой эры.

Поскольку зарубинецкая культура Полесья — Подиепровья и культура Поянешты — Лукашевка в Молдавии очень похожи на остальные культуры «третьего мира», рассмотренные Хахманном, — в них представлены почти все те же типы фибул, — то некоторые советские исследователи приняли хахманновскую начальную дату и для этих культур. Другие, правда, были склонны датировать их более ранним временем, II или даже III века до новой эры. Потому что иначе получался разрыв с пред-

шествующими культурами. Но материалов, непосредственно подтверждающих это положение, у них в руках тоже не было. Несколько лет велась оживленная дискуссия. И вот сторонники ранней датировки получили более весомые аргументы.

На зарубинецком поселении Пилипенкова гора около Канева был найден обломок ручки амфоры. Когда-то в ней привезли сюда вино с острова Кос в Эгейском море. В Греции специальные чиновники-астиномы обычно ставили на амфорах свое клеймо, удостоверяя доброкачественность продукта и год его выпуска. Амфора с Пилипенковой горы была со штемпелем астинома по имени Аполладос. По данным специалистов-античников, он клеймил амфоры около 220 года до новой эры. Первой находке не поверили. Единственная, она могла быть и случайностью. Но на поселении Круглик в Подиестровье оказалась херсонесская амфора рубежа III—II веков до новой эры. В Лукашевке в Молдавии и в Луика-Чурей в Румынии — амфоры 220—180 годов до новой эры с острова Родос.

Сложилась парадоксальная ситуация. По европейской хронологической системе зарубинецкие и поянештские могильники датировались по фибулам рубежом II—I веков до новой эры, а поселения тех же культур — по амфорам, по античной системе датировок, — на сто лет раньше, рубежом III—II веков до новой эры.

Тем временем и в Европе стали накаливаться материалы, противоречащие выводу Р. Хахманна. Когда в 1977 году польский археолог Казимеж Годловский свел все данные воедино, выяснилось, что период «латенизации» — «позднее предримское время» — начался в Европе приблизительно на сто лет раньше, чем думал Р. Хахманн. Вся его система относительной хронологии сохраняла силу, но каждый период оказывался более длительным, охватывал период жизни не одного поколения, а двух-трех. Ритм развития оказался более медленным. А на точности определения начальной даты в абсолютном счете времени и сам Р. Хахманн не очень настаивал. По К. Годловскому получалось, что время первых активных контактов кельтов с «третьим миром», начало его «латенизации», приходится приблизительно на 220—180 годы до новой эры. А это означало, что тогда же начался процесс сложения пшеворской, зарубинецкой и поянештской культур, связанный с целой серией передвижений различных племен и групп населения. Вспомним карту

распространения своеобразных гривенкорон от Дании до Черниговщины и Румынии («Знание — сила», 1986 год, № 4). А перед тем в междуречье Эльбы и Одера наблюдается проникновение северогерманских групп ясторфской культуры к югу и как результат оседания Губинской группы на Нейсе и Боденбах — Подмоклы в Чехии.

Таким образом, если и было движение варваров с севера, то произошло оно за сто приблизительно лет до появления тевтонов и кимвров в поле зрения римлян. Вероятно, в античных источниках совместились два пласта сведений. Одни события римляне наблюдали непосредственно, были их участниками, а о других они могли почерпнуть сведения только от самих кимвров и тевтонов, из их устной традиции, из их сказаний.

У варваров вообще свое особое отношение ко времени. Для них события мифов — всегда реальность, реальность не только далекого прошлого, но и настоящего. И мифы действительно зачастую содержат ядро исторической реальности, выраженной в мифологической форме. Так могла бы разрешиться третья загадка. Имели место, вероятно, и наводнения, и выселение с полуострова, и далекие походы. Они были, правда, много раньше, но в источниках все спрессовалось в один ком.

На этом пути разрешение и четвертой загадки — таинственных сведений о походах вплоть до Меотиды.

На рубеже II—I веков до новой эры вблизи Меотиды, в Причерноморье, не наблюдается какого-либо притока населения с севера и каких-либо бурных событий. Они фиксируются раньше, перед образованием культур зарубинецкой и Пояншты—Лукашевка. Плутарх пишет: «По словам некоторых, Кельтика такая обширная и большая страна, что она от внешнего океана и холодных краев идет в сторону солнечного восхода и Меотиды, где граничит с Понтийской Скифией. Именно оттуда, где смешались эти племена, они выселились не одним непрерывным натиском, но каждое лето двигаясь все вперед и, воюя, прошли материк за большой промежуток времени. Поэтому, хотя они делились на много частей с разными названиями, все их войско в совокупности называли кельто-скифами».

На этот пассаж греческого писателя до сих пор не обращали внимания, считая недоразумением. Но в свете всего изложенного в двух последних статьях сведения эти могут показаться не столь

уж несуразимыми. В мероприятии, организованном кимврами и тевтонами, в их огромном, трехсоттысячном войске могли участвовать самые различные представители обширного «третьего мира».

В этой связи любопытно одно свидетельство Аппиана. Рассказывая о завоевании Цезарем Галлии, он упоминает племя иервиев и говорит, что они — потомки кимвров и тевтонов. Название это удивительно созвучно с именем иевров Геродота, живших на северных границах Скифии в V веке до новой эры. С иеврами исследователи обычно сопоставляют милоградскую культуру Полесья и Верхнего Поднепровья. «Впрочем, — повторим мы слова Плутарха, сказанные в конце цитированного выше пассажа, — это сообщается преимущественно по догадке, а не на основании прочно обоснованного исследования».

Какова судьба варваров, уцелевших в походах и при разгроме под Аквами и Верцеллами? Многие попали в рабство и через тридцать лет еще могли участвовать в восстании Спартака. Некоторые же, возможно, вернулись на свою далекую прародину, в Данию, — тому есть определенные свидетельства. Около Дейбьерга в болоте была найдена украшенная бронзовыми усатыми личинами кельтская колесница II—I веков до новой эры. Трофей войны с кельтами, принесенный в жертву. Второй трофей и votivный дар — знаменитый серебряный котел из Гуидеструпа, тоже найденный в болоте. На нем изображен весь пантеон кельтских богов, различные звери, сцены охоты, отряд воинов и т. д. Котел был изготовлен где-то на Среднем Дунае, во всяком случае в тех областях, где кельты имели контакты с фракийцами. Черты фракийского художественного стиля здесь явно просматриваются.

И наконец — последний вопрос, на который следует ответить. Были ли кимвры и тевтоны германцами? Думается, что здесь следует занять позицию римского историка Посидония. Он — современник событий, жил в 135—51 годах до новой эры, дожил до завоевания Галлии Цезарем, до столкновения римлян с реальными предками исторических германцев, со свевами Ариовиста. Посидоний кимвров и тевтонов германцами не называет. Впрочем, в то время само понятие Германия, германцы, еще не устоялось, как, вероятно, еще не сложился и такой этнос. Разбитым и в значительной мере уничтоженным кимврам и тевтонам существенной, ведущей роли в этом процессе сыграть не довелось. ●